

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.063

УДК 101.1 + 929 Зиновьев А. А. +
+ 130.2 + 1:572 + 141.2 + 165.8 +
+ 316.334.56:005.21

Е. Г. Серебрякова
Воронежский государственный
университет
Воронеж, Россия

«ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ» А. А. ЗИНОВЬЕВА КАК МОДЕЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ АНТИУТОПИИ

Статья посвящена анализу антиутопии А. А. Зиновьева «Зияющие высоты». Автор обосновывает тезис о принципиальном отличии философской антиутопии от художественной. По мнению автора, фундаментальное различие коренится в научном и художественном методах познания мира, специфических способах создания философской и художественной картин мира и типах нарратива. Автор художественного текста движется к модели мира от художественного образа, в то время как философская картина мира предполагает концептуальное видение мира и доказательную аргументацию собственной концепции. Это методологическое различие влечет уникальные авторские стратегии, определяющие поэтику и стилистику философского и художественного текстов. Эмоционально-чувственное восприятие мира автором художественного текста определяет тип нарратива, в котором логико-аналитический подход к действительности вторичен в сравнении с образным. Для научного мышления аналитизм и безошибочность умозаключений первичны. Философский подход предполагает целостность, в известном смысле завершенность. Художественная картина мира ориентирована на диалог с читателем, а значит, на дополнительное конструирование семантики текста за счет читательского опыта.

Антиутопия «Зияющие высоты» оценена автором статьи как научный, но не художественный текст. Наблюдение, анализ, гипотеза и предположение выступают инструментом анализа социальной действительности, в которой, по мнению Зиновьева, действуют универсальные законы, общие для любой человеческой общности и общественного строя. Философ переносит в роман научный метод, движется в осмыслении социальных законов от абстрактного к конкретному, т. е. от социума к индивиду. Для оценки законов социальности, обезличивающих человека, Зиновьев использует персонажи-маски. Прием, типичный и для художественного текста, у философа получает особое наполнение. Схематизм образов отражает общий для всех социальных индивидов закон, при котором частное подчиняется общему, психологические и личностные различия нивелированы. Руководствуясь не художественной, а научной логикой, Зиновьев создал особый жанр — философскую антиутопию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Зиновьев; антиутопия; художественная картина мира; научная картина мира; социальные законы

Ц и т и р о в а н и е: *Серебрякова Е. Г. «Зияющие высоты» А. А. Зиновьева как модель философской антиутопии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 108–118. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.063>*

Поступила в редакцию: 14.01.2023

Принята к печати: 24.10.2023

Elena G. Serebryakova
Voronezh State University
Voronezh, Russia

**YAWNING HEIGHTS BY A. A. ZINOVIEV
AS A MODEL OF A PHILOSOPHICAL DYSTOPIA**

This article analyses A. A. Zinoviev's dystopia *Yawning Heights*. The author substantiates the thesis about the fundamental difference between philosophical and artistic dystopias. In the author's opinion, the fundamental difference is rooted in the scientific and artistic methods of cognition of the world, specific ways of creating philosophical and artistic pictures of the world, and types of narrative. The author of a literary text moves towards a model of the world from an artistic image. The philosophical picture of the world presupposes a conceptual vision of the world and evidence-based argumentation of this concept. This methodological difference entails unique author's strategies that determine the poetics and style of philosophical and literary texts. The emotional-sensual perception of the world by the author of a literary text determines the type of narrative in which the logical-analytical approach to reality is secondary in comparison with the figurative one. For scientific thinking, the analyticity and infallibility of conclusions are primary. The philosophical approach presupposes integrity, and in a certain sense completeness. The artistic picture of the world is focused on a dialogue with the reader, and therefore on the additional construction of the semantics of the text through the reader's experience.

The dystopia *Yawning Heights* is evaluated by the author of the article as a scientific but not a literary text. Observation, analysis, hypothesis, and assumption are a tool for analysing social reality, in which, according to Zinoviev, there are universal laws that are common to any human community and social system. The philosopher transfers the scientific method into the novel, moves in the comprehension of social laws from the abstract to the particular, i.e., from society to the individual. Zinoviev uses mask characters to evaluate the laws of sociality that depersonalise a person. The method, which is also typical of a literary text, receives a special interpretation from the philosopher. The schematic character of images reflects a law common to all social individuals, in which the particular is subordinate to the general, and psychological and personal differences are leveled. Zinoviev created a special genre – a philosophical dystopia, which is guided not by artistic, but by scientific logic.

Key words: Zinoviev; dystopia; artistic picture of the world; scientific picture of the world; social phenomena

For citation: Serebryakova, E. G. (2023). "Ziiiaushchie vysoty" A. A. Zinov'ieva kak model' filosofskoi antiutopii [*Yawning Heights* by A. A. Zinoviev as a Model of Philosophical Dystopia]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 108–118. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.063>

Submitted: 14.01.2023

Accepted: 24.10.2023

Роман «Зияющие высоты» был написан в 1975 г. К этому времени автор утвердил себя как философ, специалист по неклассической логике, исследователь теоретического мышления и методологии науки, основатель и руководитель московского логического кружка, доктор наук, редактор философского журнала. «Зияющие высоты» стали дебютным романом, продолженным книгами «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» (1980, 2 тома), «Гомо Советикус» (1982), «Мой дом — моя чужбина» (1982), «Нашей юности полет» (1983) и др. Антиутопия, начиная с первой книги, останется ведущим жанром его творческого наследия.

Жанровая природа антиутопии синкретична. Она соединяет романную форму и философскую проблематику. Однако философские источники (ориентация Е. И. Замятина на идеи Н. А. Бердяева, А. П. Платонова на суждения Н. Ф. Федорова и др.), социально-философская и антропологическая проблематики не меняют ее природы: она остается художественным высказыванием.

Обращение к жанру антиутопии, таким образом, как бы автоматически вводит автора в разряд художников слова, побуждая исследователей творчества А. А. Зиновьева искать литературных предшественников и проводить параллели с писателями. Сравнение с М. Е. Салтыковым-Щедриным, А. П. Платоновым, Дж. Оруэллом стало традиционным [Сухих; Фурсов, с. 46; A Roundtable Aleksandr Zinov'ev], хотя зачастую производится учеными с некоторыми оговорками, например: «*Художественный текст* (здесь и далее выделено нами. — Е. С.) заключен в форму научного исследования. Его нарочито нехудожественный стиль *как бы настраивает* на серьезный, научный лад» [Баландина, с. 169]. Как видим, для исследовательницы очевиден факт принадлежности Зиновьева к литераторам, а романа «Зияющие высоты» — к художественному творчеству.

Не оспаривая мысли о специфическом соединении художественности и научности в наследии Зиновьева, попытаемся найти подходы к анализу его текста, адекватные творческому методу философа. Для этого, на наш взгляд, необходимо учитывать не только сходство, но и существенные различия между научным и художественным методом познания, специфику философской и художественной картин мира и типа нарратива.

Сходство определяется творческой природой философии и литературы. Однако результатом творческого акта в философии являются не художественные образы, как в литературном тексте, а «бытийственные идеи» [Бердяев, с. 27], задающие общие методологические установки и определяющие специфику научного нарратива. Это существенное различие формирует уникальную природу философской антиутопии. А. М. Пятигорский говорил об этом так: «Для философа утопия или антиутопия — не литературный жанр, не метод эстетического конструирования и не фантастический социальный или культурный проект», а «особый, специфический (т. е. не универсальный) случай мышления» [Пятигорский]. Ученый отметил принципиальное методологическое отличие: литератор движется к постижению мира от художественного образа, в то время как философ — «от мышления», т. е. от концепции мироустройства к слову.

Методология определяет авторскую стратегию и поэтику текста. Зиновьев определял жанр книги как социологический роман, ставил не литературную, а научную задачу — исследовать наиболее общие законы советской социальности. Его мысль изначально задана, определена в книге. И если в художественном тексте логико-аналитический подход к действительности вторичен в сравнении с эмоционально-чувственным восприятием, то для научного мышления аналитизм и безошибочность умозаключений первичны.

Философский подход предполагает концептуальность, в известном смысле завершенность умозаключения. Художественная картина мира, несмотря на семантическую целостность (непременное условие эстетического высказывания), остается открытой, разомкнутой. Ориентация на диалог с читателем предполагает дополнительное конструирование семантики текста за счет читательского опыта.

Диалог читателя с философом иного свойства. Первостепенной важностью обладает интеллектуальная подготовленность человека к восприятию философских идей, определяющая адекватность прочтения и глубину трактовки. Рефлексивная, критическая позиция в отношении предложенной автором концепции мира доминирует над непосредственно чувственным восприятием, «слияние» читателя с миром, созданным произведением, факультативно.

Апелляция к факту, документу, гарантирующая объективность выводов учебного, в художественном тексте приобретает характер необязательных, вольных отношений. Нас не удивляет, что в сборник И. А. Бродского «Новые стансы к Августе» (1962–1982), посвященный Марине Басмановой, включены стихи, изначально адресованные другим женщинам. И. А. Бунин в романе «Жизнь Арсеньева» (1927–1929) отступил от автобиографической точности, погубив главную героиню. Логика искусства утверждает свою, художественную правду: духовная жизнь человека значительнее его биографии, литературный образ больше прототипа.

Руководствуясь логикой научного исследования, Зиновьев делает инструментом анализа не художественную логику и духовный опыт персонажей, а наблюдение, анализ, гипотезу и предположение. Оперировать научными понятиями: социальный индивид, законы социальности, советский общественный опыт и др.

Место действия романа — Ибанск, город, в котором победил «реальный коммунизм», или «полный “изм”» — «шизофренический мир» [Зиновьев, 1990, с. 3], не способный порождать новые смыслы, но расплзающийся в пространстве, воспроизводящий сам себя: над землей и под ней возникают Над-Ибанск и Под-Ибанск.

В характеристике государства Зиновьев придерживается традиционных для антиутопии оценок: Ибанск герметичен (защищает себя от всякого воздействия извне), статичен (все перемены не имеют качественного значения), агрессивен в адрес любой инаковости, репрессивен в отношении граждан.

Главный объект исследования автора — не государственное устройство, а социальные законы, осмысленные как универсальные, органичные любой человеческой общности и общественному строю.

Философ переносит в роман научный метод, исследованный им в кандидатской диссертации «Метод восхождения от абстрактного к конкретному», посвященной анализу логики «Капитала» К. Маркса. Движение от абстрактного к конкретному в «Зияющих высотах» определяет парадигму авторской мысли: от социальных законов к индивиду.

При этом личность не является для автора центром мироздания, а лишь позволяет подвергнуть глубокому анализу социальные механизмы: «Люди рассматриваются не во всем многообразии их свойств, каковых очень много, а только в тех проявлениях, которые вытекают из факта их принадлежности социальным объединениям» [Гусейнов, с. 250]. Человек для философа — социальный индивид, действующий по закону экзистенциального эгоизма: его поступки обусловлены общественным статусом и подчинены стремлению занять более высокую позицию или, как минимум, сохранить прежнюю. «Отсюда стремление ослабить социальную позицию другого индивида <...>. Так что обычно встречающиеся двуличность, доносы, клевета, подсиживание, предательство суть не отклонение от нормы, а именно норма» [Зиновьев, 1990, с. 118]. В этом видит автор рациональный расчет социального субъекта в повседневно-практической деятельности.

Мораль не способна отменить социальные законы, имеющие объективный характер и действующие как любой естественно-научный закон. Правила нравственного поведения придуманы человеком для защиты от социальности, но ее эффективность если не иллюзорна, то относительна.

Средством подтверждения этих силлогизмов становится система образов романа. Персонажи лишены индивидуальности. Психологические и личностные различия героев нивелированы в силу действия общего для всех закона социальных систем, как определяет его сам автор — закона коммунальности, при котором частное подчиняется общему. Конформизм, предательства друзей, доносительство, легкость смены суждений и ценностных ориентиров осмыслены как проявление закона множественности. Масса представляет собой однородную, инертную толпу — неотличимых друг от друга Ибановых. Культурная элита — творческая и научная интеллигенция — живет и действует по тем же законам в силу их универсальности. Как видим, согласно концепции Зиновьева, на личность давят не столько конкретные общественные силы — отчуждение и овеществление, сколько объективный социальный закон, а значит, преодолеть эту враждебную человеческой природе силу невозможно.

Казалось бы, традиционная в поэтике антиутопии мысль об обезличенности человека в социуме, вытеснении индивидуальных свойств социальной функцией выражена у Зиновьева традиционным для сатирической литературы способом — с помощью образов-масок, наименования которых позволяют угадать прототип: Мазила — Эрнст Неизвестный, Двурушник — Синявский, Правдец — Солженицын, Распашонка — Евтушенко, Мудрец — Мамардашвили и пр. На первый взгляд, аналогичный прием находим у С. Д. Довлатова в «Филиале»: Ковригин — Коржавин, Караваев — Солженицын и т. д. Однако

сопоставление позволяет выявить различие художественной и научной поэтики. Сравним:

- Вы можете разгорячиться и обидеть Ковригина. Не делайте этого.
- Почему же я должен разгорячиться?
- Потому что Ковригин сам вас обидит. А вы, не дай Господь, разгорячитесь и обидите его. Так вот, не делайте этого. <...> Не обижайте его. Даже если Ковригин покроет вас матом. Это у него от застенчивости...

Началось заседание. Слово взял Ковригин. И сразу же оскорбил всех западных славистов. Он сказал:

- Я пишу не для славистов, а для нормальных людей...
- Затем Ковригин оскорбил целый город. Он сказал:
- Иосиф Бродский хоть и ленинградец, но талантливый поэт...
- И наконец Ковригин оскорбил меня. Он сказал:
- Среди нас присутствуют беспринципные журналисты. Кто там поближе, выведите этого господина. Иначе я сам за него возьмусь!

Я сказал в ответ:

- Рискни.
- На меня замахали руками:
- Не реагируйте! Не обижайте Ковригина! Сидите тихо! А еще лучше – выйдите из зала... [Довлатов, т. 4, с. 32].

Довлатов сохраняет индивидуальность образов, сквозь маски проглядывает личностная неповторимость прототипов, их самобытная речь и узнаваемая поведенческая манера.

Зиновьев не предоставляет читателю возможность услышать непосредственный диалог героев, его повествовательный прием — многоголосая несобственно-прямая речь, построенная по модели каламбура, логического «перевертыша»:

Болтун сказал, что есть какие-то объективные законы дезинформации вроде законов тяготения, и Шизофреник, наверняка, что-то придумал на этот счет. Шизофреник сказал, что такие законы есть. Например — тенденция свести к минимуму сведения о плохом и раздуть до максимума сведения о хорошем. А если такового нет, его следует выдумать. Врут не по злему умыслу и не по глупости, а потому, что обман есть наиболее выгодная форма социального поведения. Закон работает сугубо формально и на любом материале. Потому врут даже тогда, когда в этом нет никакой надобности, и даже тогда, когда это вредно, ибо иначе не умеют. Член сказал, что эта теория не объясняет искажений истории. Наоборот, сказал Сотрудник. Людям надо внушать, что раньше всегда и везде было еще хуже. Потому какой-нибудь правдивый пустячок может обнаружить более высокий уровень жизни. Член сказал, что правду о прошлом скрыть нельзя. Есть же неоспоримые материальные свидетельства. Болтун сказал, что это утешение для идиотов. Люди сначала усиленно скрывают правду, а потом не могут узнать ее даже при желании. Единственной опорой памяти о прошлом становятся битые черепки и обьедки от мамонтов. А разве это история! История не оставляет следов. Она оставляет лишь последствия, которые не похожи на породившие их обстоятельства [Зиновьев, 1990, с. 6].

Способ раскрытия образов в данном случае определен нехудожественной задачей: выявить механизм формирования поведения людей логикой социальных отношений. Индивидуальные человеческие типы и отношения между ними осмыслены с учетом их глубокой социально-закономерной обусловленности. Поскольку законы социальности носят надперсональный характер, личностная самобытность персонажей игнорируется. Зиновьев акцентирует одноплановость сознания. Голоса и поведенческие манеры героев неразличимы. Действующие лица зачастую дублируют друг друга: Шизофреник — Неврастеник, Крикун — Болтун. В едином семантическом поле располагаются не имена, а социокультурные типажи. Подчиняясь социальному закону коммунальности, персонажи живут, думают, действуют по универсальным моделям и сами становятся схемами. Казалось бы, зачем вводить множество персонажей, тождественных друг другу? Вероятно, здесь работает прием количественной массы доказательств: двадцать аргументов весомее пяти. Чем больше примеров, иллюстрирующих тезисы, тем убедительнее звучит научный вывод.

Основной конфликт художественной антиутопии — столкновение личности и государства — позволяет литератору представить путь духовного сопротивления человека или его нравственную деградацию. Философ сосредоточен на иных вопросах. Зиновьев анализирует систему детерминирования социального индивида. Функция, вытеснившая личность, не навязана властью или социумом, а лишь зафиксирована общественным сознанием. Изначально она избрана самим индивидом и лишь подхвачена микро- и макросообществом.

Сосредоточившись на анализе социальных законов, автор логично пришел к изучению общественного сознания, зафиксированного в разнообразных языковых практиках — от научных до разговорно-повседневных. Зиновьев нивелирует стилистические и лексические различия разнородных текстов. Устная или письменная речь героев, официальное высказывание власти или бытовые реплики персонажей — все выдержано в единообразной манере. Язык не определяется статусом участников коммуникации: низы, творческая и научная элита и власть говорят на усредненном наречии, что подчеркивает личностную неразличимость в едином социальном теле. «Язык <...> — вещный (материальный) способ существования человеческого сознания, <...> средство познания людьми окружающего мира, включая их самих и их жизнедеятельность» [Митрохин, с. 70]. Зиновьев подверг анализу механизм социальных эстафет: вербальные практики определяют социальную память, от одного поколения к другому передаются не словесные формулировки и языковые конструкции, а способы объяснения мира.

Итак, правила коммунальности, т. е. человеческого общежития, видятся Зиновьеву так: «меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других и больше зависимости других от тебя» [Зиновьев, 1990, с. 26]. Эти социальные законы представлены как надисторические, поскольку сохраняют свое действие на протяжении всей истории человечества, но сами не зависят ни от государства,

ни от религии, морали и права. Напротив, государство, религия, право, мораль зависят от социальных законов и используют их.

Выбрав в качестве методологического приема математическую логику, автор последовательно соблюдал ее правила и исключал всякие нарушения заданной схемы. Представление мира как многомерного, а человеческого характера как противоречивого и сложного, обязательное в художественной прозе, не входят в систему допусков Зиновьева. Он признавался, что производил «упрощения» реальности, исключая компоненты, способные отвлечь от концептуальной идеи: «Для того чтобы построить теорию, нужно производить упрощения. Если упрощения не произведешь, ни одного шага вперед не сделаешь. <...> Человека при анализе его места в обществе и самого того общества, в котором он живет, приходится сводить к такому существу, у которого есть тело и органы управления. Органы управления должны производить определенные действия, чтобы тело сохранялось» [Большаков, с. 34].

Однако, исключив из исходных данных понятие личности, психологическую неоднозначность человека, духовность общества, философ создал одномерную модель мира. По справедливому замечанию одного из коллег философа, «этот мир можно теоретически познать, сделать объектом социологического изучения, но он совершенно лишен теплоты человеческого общения, закрыт для нормальной коммуникации между людьми. <...> Социум предстает в его сочинениях исключительно как объект внешнего наблюдения, в нем нет ничего, с чем можно себя отождествить, посчитать своим и близким» [Коллективный портрет Александра Зиновьева, с. 11]. Так, не нарушив формальной логики, философ отступил от объективности анализа — главного принципа научного исследования, заменив его социальным нигилизмом, вполне органичным, впрочем, поэтике антиутопии.

Нигилистическая трактовка социальности рождена не спецификой жанра, она органична авторской стратегии. Называя побудительные мотивы к литературному творчеству, автор признавался в «неудержимом желании дать “Им” (всему моему социальному окружению) в морду» [Зиновьев, 2005, с. 404], как видим, эстетическим это стремление назвать невозможно. Такая исходная позиция определяет крайнюю категоричность и нигилизм, свойственные поэтике памфлета, сатирической публицистики, антиутопии.

Направленный в «Зияющих высотах» в адрес советского общества, нигилизм сохранился в отношении западного и постсоветского обществ: «Мы и Запад» (1981), «Запад. Феномен западнизма» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Гибель русского коммунизма» (2001), «Идеология партии будущего» (2003), «Распутье» (2005). И это было подтверждением принципиальной позиции Зиновьева, согласно которой хороших социальных устройств и государственных моделей не бывает. Человек не должен тратить силы на борьбу с системой, главное — выработать принципы индивидуального противостояния ее обезличивающим механизмам. Литературное творчество было для философа способом духовно-нравственного сопротивления, личностным вариантом

автономного существования, обеспечивавшего интеллектуальную, творческую и моральную сохранность.

Добавим, что тотальный негативизм Зиновьева особенно ощутим на фоне общих идейных исканий советских философов-шестидесятников, сохранявших исторический оптимизм и антропоцентризм. И дело тут не в марксистских основаниях мировоззрения. Напротив, философы-шестидесятники стремились реформировать ортодоксальный марксизм за счет домарксистских (например, кантианства — А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин; религиозной философии — Г. С. Померанц, этического социализма рубежа XIX–XX вв.) и современных концепций, в частности экзистенциализма — М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. Осмысливали они и «болевы» вопросы марксизма. Э. В. Ильенков, опираясь на принципы истмата, доказал наличие феномена отчуждения в социалистическом обществе. Ученые-этики Л. М. Архангельский, Г. Д. Бендзеладзе, З. А. Бербешикина, Л. Б. Волченко и др. стремились найти в самосознании современника сферы, автономные от идеологии, в частности, обосновывали независимость морали. Словом, философы не только осмысливали конфликты эпохи, но и предлагали стратегии их разрешения.

Личностная стратегия Зиновьева — самореализация в условиях глубокого конфликта с обществом и отчуждения от него — не была уникальной. Напротив, такой вариант зачастую виделся вполне адекватным либеральной интеллигенции, сообществу, ориентированному на порождение смыслов и творчество. Посвятить себя вневременным ценностям истины и идеальных сущностей и таким образом сохранить самоидентичность казалось зачастую единственно верным. Известно, что А. Д. Синявский, оказавшись в лагере, продолжал литературную деятельность, А. С. Есенин-Вольпин в ссылке занимался математической логикой, Ю. Ф. Орлов, основатель Московской Хельсинкской группы, в лагере и ссылке исследовал ядерную физику. Это был опыт духовного сопротивления не только государству, но и социальным обстоятельствам: творчество, наука — интеллектуально-духовные сферы, в которых власть теряла могущество, а личность оставалась сама собой. Именно этот принцип и сформулировал однажды А. А. Зиновьев, декларируя: «Я — суверенное государство» [Кантор, с. 272].

Источники

Довлатов С. Филиал // Довлатов С. Собр. соч. : в 4 т. СПб. : Азбука-классика, 2003. С. 5–133.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М. : Вагриус, 2005.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты : в 2 кн. М. : Незав. изд-во ПИК, 1990.

Исследования

Баландина С. В. Специфика жанра литературной антиутопии на материале романа А. Зиновьева «Зияющие высоты» // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 169–172.

Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : АСТ : Хранитель, 2006.

- Большаков В. Государство из одного человека // Феномен Зиновьева / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М. : Современные тетради, 2002. С. 25–40.
- Гусейнов А. Об Александре Зиновьеве и его социологии // Феномен Зиновьева / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М. : Современные тетради, 2002. С. 243–260.
- Кантор К. Путь к цивилизации — каков он? // Феномен Зиновьева / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М. : Современные тетради, 2002. С. 262–272.
- Коллективный портрет Александра Зиновьева // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 3–17.
- Митрохин Л. Н. О феномене А. А. Зиновьева // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 62–84.
- Пятигорский А. Утопия как незажившая интрига // Thesaurus. 2015. Т. 4, № 1/2 (7/8). URL: <https://einai.ru/ru/archives/707> (дата обращения: 18.10.2022).
- Сухих О. С. Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в творчестве А. А. Зиновьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 289–295.
- Фурсов А. О великом вопрекисте // Феномен Зиновьева / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М. : Современные тетради, 2002. С. 40–65.
- A Roundtable Aleksandr Zinov'ev: The Thinker and the Person // Russian Studies in Philosophy. 2007–2008. Vol. 46, № 3. P. 65–97. URL: https://intellectology.livejournal.com/40193.html?ysclid=lcrcic62k4955708345&utm_medium=endless_scroll# (дата обращения: 11.01.2023).

References

- A Roundtable Aleksandr Zinov'ev: The Thinker and the Person (2007–2008). *Russian Studies in Philosophy*, 46(3), 65–97. Retrieved from https://intellectology.livejournal.com/40193html?ysclid=lcrcic62k4955708345&utm_medium=endless_scroll#
- Balandina, S. V. (2009). Spetsifika zhanra literaturnoi antiutopii na materiale romana A. Zinov'eva "Ziiaiuschie vysoty" [The Specifics of the Genre of Literary Dystopia Based on the Material of A. Zinoviev's Novel *Yawning Heights*]. *Izvestiya VGPU*, 10, 169–172.
- Berdyayev, N. A. (2006). *Smysl tvorchestva* [The Meaning of Creative Art]. Moscow: AST; Khranitel'.
- Bolshakov, V. (2002). Gosudarstvo iz odnogo cheloveka [The State of One Man]. In A. A. Guseynov, O. M. Zinov'yeva, & K. M. Kantor (Eds.), *Fenomen Zinov'eva* [Zinoviev Phenomenon] (pp. 25–40). Moscow: Sovremennye tetradi.
- Fursov, A. (2002). O velikom voprekiste [On the Great Contraryist]. In A. A. Guseynov, O. M. Zinov'yeva, & K. M. Kantor (Eds.), *Fenomen Zinov'eva* [Zinoviev Phenomenon] (pp. 40–65). Moscow: Sovremennye tetradi.
- Guseynov, A. (2002). Ob Aleksandre Zinov'eve i ego sotsiologii [About Alexander Zinoviev and His Sociology]. In A. A. Guseynov, O. M. Zinov'yeva, & K. M. Kantor (Eds.), *Fenomen Zinov'eva* [Zinoviev Phenomenon] (pp. 243–260). Moscow: Sovremennye tetradi.
- Kantor, K. (2002). Put' k tsivilizatsii — kakov on? [The Path to Civilization — What Is It Like?]. In A. A. Guseynov, O. M. Zinov'yeva, & K. M. Kantor (Eds.), *Fenomen Zinov'eva* [Zinoviev Phenomenon] (pp. 262–272). Moscow: Sovremennye tetradi.
- Kollektivnyi portret Aleksandra Zinov'eva [Collective Portrait of Alexander Zinoviev] (2013). *Voprosy filosofii*, 2, 3–17.
- Mitrokhin, L. N. (2007). O fenomene A. A. Zinov'eva [On the Phenomenon of A. A. Zinoviev]. *Voprosy filosofii*, 4, 62–84.
- Pyatigorsky, A. (2015). Utopiia kak nezazhivshaia intriga [Utopia as an Unhealed Intrigue]. *Thesaurus*, 4(1/2). Retrieved from <https://einai.ru/ru/archives/707>

Sukhikh, O. S. (2010). Traditsii M. E. Saltykova-Shchedrina v tvorchestve A. A. Zinov'eva [Traditions of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Work of A. A. Zinoviev]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 1, 289–295.

Серебрякова Елена Геннадьевна
доктор культурологии
доцент кафедры истории философии
и культуры
Воронежский государственный
университет
394000, Воронеж,
Университетская площадь, 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova, Elena Gennadievna
Dr. Hab. (Cultural Studies)
Associate Professor, Department of History
of Philosophy and Culture
Voronezh State University
1, University Square, 394000 Voronezh, Russia
Email: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5281-8192>